

1. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ПРОГНОЗА

Казенин К.И., к.ф.н., директор Центра региональных исследований ИПЭИ РАНХиГС;
с.н.с. научного направления «Политическая экономия и региональное развитие»
Института Гайдара

Статья содержит краткий обзор исследований влияния экономических кризисов и эпидемий на рождаемость в развитых зарубежных странах. Рассматривается значение результатов этих исследований для прогнозирования изменений рождаемости в результате пандемии в России, а также для планирования государственной политики по поддержке рождаемости в новых условиях.

Демографические эффекты пандемии нового коронавируса являются сейчас предметом активных дискуссий в нашей стране. Обсуждается и вопрос о том, как пандемия может повлиять на рождаемость. Прогноз затруднен по той причине, что неясен пока набор связанных с пандемией факторов, которые могут оказаться значимыми для воспроизводства населения. Некоторые из этих факторов очевидны, как, например, вызванный карантинными мерами экономический спад, грозящий ростом безработицы и падением доходов потенциальных родителей. Но нельзя исключать, что влияние на рождаемость окажут и другие изменения – например, осознание населением рисков вспышек опасных вирусных инфекций в будущем, или перемены в повседневной жизни, связанные с долгосрочным переходом большой доли работников в онлайн-формат и массовым возникновением «домашних офисов». Пока факторы, способные оказать влияние на рождаемость в России в новых условиях, не определены, важным материалом для оценки возможной динамики рождаемости в стране является международный опыт, а именно, данные о том, как менялась рождаемость в других странах в условиях, в чем-то подобных нынешним.

Для России в этом отношении наиболее актуальным представляется опыт развитых стран мира. В настоящей статье рассматриваются два вопроса:

- 1) влияние экономических кризисов на рождаемость в развитых странах;
- 2) влияние вспышек инфекционных заболеваний на рождаемость в таких странах.

В статье резюмируются основные результаты имеющихся исследований этих двух вопросов. В заключительной части рассматривается значение

1. Влияние пандемии на рождаемость в России

этих результатов для прогнозирования изменений рождаемости из-за пандемии в России, а также для планирования государственной политики по поддержке рождаемости в новых условиях.

Экономический кризис 2008–2011 гг. и рождаемость в развитых странах

Если наша цель – оценить влияние экономических кризисов в развитых странах на рождаемость, то история последних примерно ста лет дает нам для этого, казалось бы, много материала, поскольку экономические кризисы в Европе, Северной Америке в этот период происходили регулярно. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что для некоторых из этих кризисов анализ их влияния на рождаемость затруднен. Особенно это касается кризисов второй половины XX в. – мирового экономического кризиса 1970-х гг. и кризиса в странах Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг. Трудность состоит в том, что в странах, в наибольшей степени затронутых этими кризисами, рождаемость устойчиво снижалась и перед их наступлением. Снижение продолжилось в условиях кризиса и после него, но вопрос о том, насколько этот долговременный тренд был усилен именно кризисом, не ясен.

Гораздо больше возможностей для анализа дает мировой экономический кризис 2008–2011 гг. Он отличался от своих «старших братьев» тем, что застал большинство стран Европы и Северную Америку в период роста рождаемости. Этот рост следовал за серьезным ее снижением в предшествующие десятилетия, в ходе которого был установлен ряд исторических «антирекордов». Так, в ряде стран Европы в 1980–1990-е годы коэффициент суммарной рождаемости впервые за все охваченное статистикой время опускался ниже уровня 1,3 детей на одну женщину. Основным фактором падения рождаемости в развитых странах в конце XX в. исследователи называют массовое откладывание деторождений на более поздние возрасты. Его, в свою очередь, объясняют значительными ценностными сдвигами в европейских обществах – утверждением равных отношений между полами, отказом от представлений об обязательности вступления в брак и рождения ребенка к определенному возрасту и т.д. [1]. Что касается Центральной и Восточной Европы, то там сокращение рождаемости, начавшееся в основном в 1990-х годах, было связано с крушением коммунистических режимов и последовавшими экономическими трудностями. Рост рождаемости, пришедший на смену снижению как раз накануне кризиса, в некоторых странах связывают со стартом новых государственных программ поддержки семей с детьми; в посткоммунистических странах он также был обусловлен экономической стабилизацией 2000-х годов.

Если возможные объяснения подъема рождаемости перед кризисом весьма разнообразны, то ее новое падение, начавшееся в большинстве стран Европы и в Северной Америке в конце 2000-х, исследователи единодушно связывали с влиянием кризиса. При этом, как видно на примере нескольких европейских стран на *рис. 1*, масштабы «кризисного» падения рождаемости были по странам разными. В целом снижение рождаемости после 2008 г. было более заметным в Северной и Южной Европе. При этом в Восточной, Центральной и Западной Европе ситуация была различной от страны к стране. Например, в Эстонии рождаемость начала постепенно сокращаться после 2010 г.; Чехия в тот же период прошла через кратковременное снижение рождаемости с быстрым возвращением к росту; во Франции докризисный рост рождаемости остановился, но не сменился падением; в Германии рост продолжался и в кризисные годы.

Эти различия между странами по динамике рождаемости в период кризиса кажутся отчасти «нелогичными». Дело в том, что оказавшиеся в лидерах снижения рождаемости скандинавские страны в целом пережили кризис успешнее многих других: снижение ВВП, рост безработицы в 2009–2011 гг. были там одними из самых небольших среди европейских стран. Этот «скандинавский парадокс» рождаемости в целом остается на сегодня необъясненным в демографических исследованиях. В любом случае он подтверждает, что траектория рождаемости в стране не повторяет «слепо» траекторию экономических изменений, а определяется сложным разнообразием факторов.

Тем не менее, в целом для развитых стран роль спада экономики в снижении рождаемости после 2008 г. была подтверждена многочисленными исследованиями. При этом обнаружилось, что *наиболее заметным экономическим фактором, влияющим на рождаемость, является безработица*. Особенно значимое подтверждение этому дали исследования, которые рассматривали рождаемость не только на уровне стран, но и регионов. Так, статистическое моделирование для всех 258 регионов государств, входящих в Евросоюз, показало, что снижение рождаемости на региональном уровне в период кризиса было в целом тем существеннее, чем больше в регионе был рост безработицы [2]. Важный результат состоял также в том, что значимость безработицы для рождаемости выросла именно в кризис: аналогичное исследование за 2001–2007 гг. обнаружило гораздо более слабую связь между динамикой безработицы и рождаемости по регионам европейских стран. Более того, в кризисные годы связь динамики рождаемости и безработицы была наиболее существенной в странах Южной, Центральной и Восточной Европы, т.е. как раз в тех европейских странах, по которым кризис ударил особенно сильно [3].

Интересно, что важным для рождаемости в период кризиса был не только общий уровень безработицы в стране, но и уровень безработицы среди женщин [4]. Этим подтвердилось, что семьи в развитых странах в условиях кризиса в целом не готовы возвращаться к традиционной гендерной схеме «муж – добытчик, жена – хранительница очага». Для решения о рождении ребенка в современных обществах чаще оказывается важным, чтобы именно у обоих родителей имелись перспективы на рынке труда.

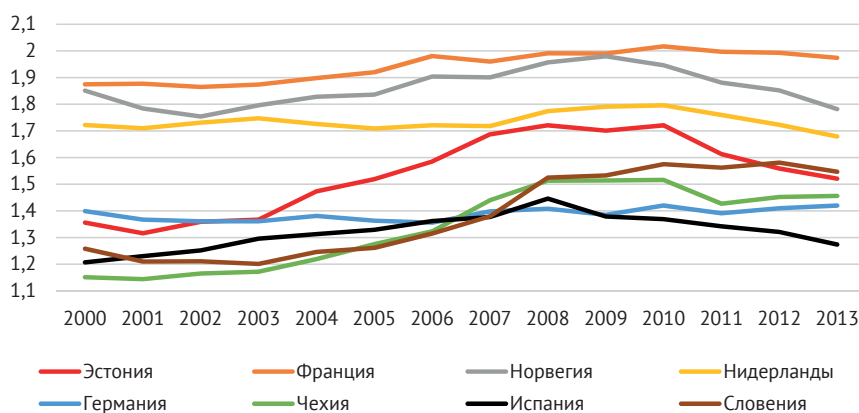

Рис. 1. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых европейских странах, 2000–2013 гг.

Источник: Human Fertility Database. URL: www.humanfertility.org.

1. Влияние пандемии на рождаемость в России

Кризис оказал разное влияние на рождаемость в разных возрастных группах: *в целом в кризисные годы сильнее сокращалась рождаемость у женщин моложе 30 лет.* На рис. 2 показаны процентные изменения возрастных коэффициентов рождаемости в среднем по странам Евросоюза в 2008 г. по сравнению с 2003 г. и в 2013 г. по сравнению с 2008 г. Видно, что рост рождаемости женщин 30+ в кризис замедлился, но продолжался, тогда как у молодежи в кризисные годы наблюдалось падение рождаемости. Это логично объяснить более шаткими позициями молодежи на рынке труда, более высокими экономическими рисками для нее в условиях кризиса. Многие исследователи, однако, объясняют такую возрастную асимметрию также и тем, что у молодежи развитых стран уже в докризисные годы была ориентация на откладывание рождений к более старшим возрастам, которая теперь приобрела дополнительную экономическую обоснованность. При этом женщины старших возрастов, не имеющие значительного резерва времени для откладывания рождений, в кризисное время часто не готовы были отказываться от планов стать матерью. Для европейских стран типичной оказалась следующая асимметрия между первыми и вторыми детьми (рассматривать отдельно только детей этих порядков оправданно при очень низком уровне рождаемости третьих и последующих детей в развитых странах): среди женщин до 30 лет существенно снижалась рождаемость первых детей, а среди женщин 30+ – рождаемость вторых, но не первых [5]. То есть «сильнее кризиса» оказалась установка на то, чтобы иметь хотя бы одного ребенка, если возраст женщины не позволяет отложить его рождение на более благополучные времена. Однако эта закономерность действовала в основном только в Европе: в США в период кризиса было зафиксировано снижение рождаемости первых детей и у женщин, оставшихся бездетными в 35 лет. Это вело к росту в США так называемой «окончательной бездетности» [6].

Хотя большинство авторов согласны, что снижение рождаемости было в первую очередь связано с ситуацией на рынке труда, некоторые ставят под сомнение адекватность самого понятия «безработица» для исследований рождаемости в развитых странах в наше время, в том числе и в периоды кризиса. Дело в том, что изменения в экономике этих стран в 1990-е и 2000-е годы во многом «размыли» привычное бинарное противо-

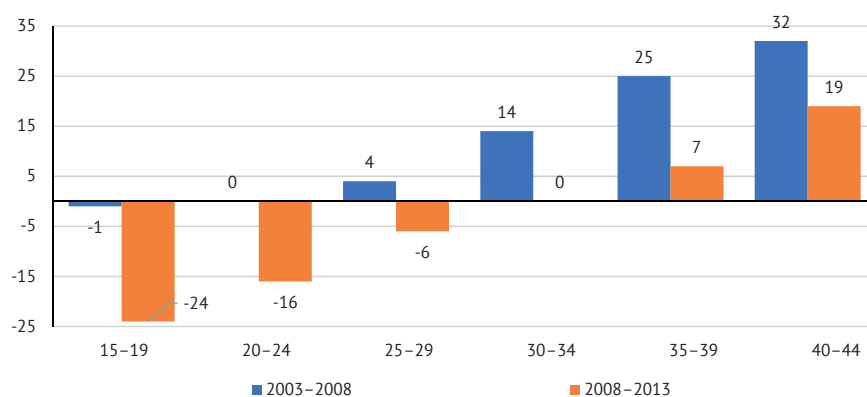

Рис. 2. Процентные изменения возрастных коэффициентов рождаемости в странах Евросоюза в 2008 г. по сравнению с 2003 г. и в 2013 г. по сравнению с 2008 г.

Источник: [2]; показаны средние изменения для стран Евросоюза, взвешенные на количество населения по странам.

поставление «имеющий работу vs безработный». «Проектный» характер работы в растущей постиндустриальной сфере, преобладание временных контрактов, стремительная изменчивость спроса на конкретные навыки и компетенции – все это вряд ли было столь актуально для более ранних экономических кризисов в Западной Европе и Северной Америке. Поэтому применительно к кризису 2008–2011 гг. некоторые социологи и демографы предлагают анализировать влияние на рождаемость не самого факта занятости потенциальных родителей на какой-то момент времени, а того, как они оценивают стабильность своего положения на рынке труда. В этом плане интересна работа С. Гитель-Бастена и Р. Тесты [7], где на основании общеевропейского исследования «Евробарометр» (волна 2011 г., охвачено 27 европейских стран) исследуется, как европейцы, на тот момент планировавшие завести ребенка в ближайшие годы, оценивали вероятность реализовать эти планы. Оказалось, что существенное значение для этого имеет оценка респондентами перспектив своей занятости в будущем.

Другим экономическим фактором, существенным для динамики рождаемости в развитых странах после 2008 г., исследователями признается *государственная поддержка семей с детьми*. На сегодня, однако, этот вопрос исследован только для отдельных стран, масштабных межстрановых сопоставлений именно для кризисного периода не проведено. Различиями в господдержке семей с детьми объясняется, например, разная динамика рождаемости в балтийских странах: если Латвия, начиная с 2009 г., демонстрировала очень резкое снижение рождаемости, то в Литве и Эстонии, где как раз накануне кризиса был введен ряд новых мер господдержки, уровень рождаемости в кризис оказался более устойчивым [3].

Хотя исследования кризиса 2008–2011 гг. убедительно показали экономические причины падения рождаемости, они, скорее всего, не были единственными. Например, исследование [8] показало, что в Италии среди женщин, имевших в 2002–2012 гг. только одного ребенка, к концу этого периода заметно выросла доля тех, которые не хотели бы становиться матерью второй раз и объясняют это нежелание именно экономическими причинами. Но при этом рост доли таких женщин почти равномерно происходил среди групп с разным уровнем доходов, образования, среди занятых и незанятых. Такие результаты заставляют думать о *роли массового сознания и формирующих его каналов коммуникации для рождаемости в условиях кризиса*.

В заключение отметим, что по крайней мере на два важных вопроса, касающихся влияния кризиса 2008–2011 гг. на рождаемость в развитых странах, на сегодня нет убедительного ответа.

Во-первых, неясно, связано ли сокращение рождаемости в кризис с сокращением брачности. В целом вопрос о влиянии кризиса на (регистрируемую и нерегистрируемую) брачность исследован меньше, чем о его влиянии на рождаемость. Фактически пока получены результаты только по отдельным странам. Так, в США на протяжении нескольких десятилетий до кризиса среди бедных слоев населения уровень регистрируемой брачности был ниже, чем в целом по стране, но выше был уровень внебрачной рождаемости; в кризис стал сокращаться и последний [9].

Во-вторых, на данный момент влияние кризиса на рождаемость исследовано в основном только с применением показателей, характеризующих рождаемость женщин всех возрастов в кризисные годы. Однако снижение рождаемости, фиксируемое такими показателями, может быть связано с откладыванием деторождений на послекризисный период. Более надежная

1. Влияние пандемии на рождаемость в России

оценка влияния экономического кризиса на рождаемость может быть дана в будущем на основе данных об «итоговой» рождаемости тех поколений женщин, у которых кризис 2008–2011 гг. пришелся на репродуктивный период.

Влияние эпидемий на рождаемость

Эпидемии, с которыми сталкивалось человечество на протяжении веков, часто имели существенные демографические последствия [10]. Однако вплоть до 2-ой половины XX в. влияние эпидемий именно на рождаемость в основном носило «технический» кратковременный характер: число рожденных снижалось из-за высокой смертности взрослого населения, а также из-за того, что в условиях эпидемии многие супружеские пары оказывались разлучены друг с другом (именно такой кратковременный эффект, как показали исследования, для ряда стран имела и знаменитая эпидемия «испанского гриппа» в 1918–1919 гг. [11]). Иное влияние на рождаемость можно было бы ожидать от эпидемий, случившихся в эпоху, когда население в массе своей владело способами планирования семьи. В таких условиях разумно предполагать не только «одномоментное» снижение рождаемости вскоре после эпидемии, но и массовое откладывание деторождений в постэпидемический период из-за социально-экономической неопределенности, риска новых вспышек опасного заболевания и т.п.

Единственная из прошедших эпидемий, которая затронула страны с высоким уровнем распространенности средств планирования семьи – это эпидемия «гонконгского гриппа» в 1968–1970 гг. Однако, к сожалению, имеющиеся данные не позволяют оценить ее реальное влияние на рождаемость в такой категории стран. В промышленно развитых странах Юго-Восточной Азии, где эта эпидемия началась, а также в США и в Западной Европе, куда она впоследствии перекинулась, уже накануне эпидемии шло интенсивное снижение рождаемости, и весьма затруднительно оценить, повлияла ли эпидемия на этот процесс.

Поэтому при оценке возможного влияния пандемии COVID-19 на рождаемость в РФ единственный источник аналогий – это влияние той же эпидемии на рождаемость в других странах. Для фактической рождаемости такой вопрос исследовать сейчас, разумеется, в любой стране преждевременно. Однако в ряде стран уже исследованы изменения в репродуктивных намерениях населения в связи с пандемией.

Так, в конце марта – начале апреля, т.е. в разгар заболеваемости в странах Западной Европы, итальянский институт Guiseppe Tonpiolo совместно с международной исследовательской группой IPSOS провел телефонный опрос, в ходе которого было опрошено 2000 респондентов в Италии и по 1000 в Великобритании, Франции, Германии и Испании [12]. Тем участникам опроса, которые утверждали, что в начале 2020 г. у них имелись планы до конца года завести ребенка, задавался дополнительный вопрос о том, сохранились ли у них эти планы на момент исследования. Ответы на него по-разному распределились в разных странах (табл. 1). Как видно, во всех странах преобладают те, кто решил отложить деторождение. Доля полностью отказавшихся от планов родить ребенка выше всего оказалась в Италии, доля тех, кто не изменил свои планы – во Франции и Германии. Поскольку в Италии на момент опроса ситуация с коронавирусом была наиболее критической, самая высокая доля отказавшихся от родительских намерений в этой стране, скорее всего, показывает, что серьезное ухудшение эпидемической обстановки способно подтолкнуть к такому решению.

В пользу этого вывода говорит то обстоятельство, что в Германии доля «отказников» была выше, чем в целом по стране, именно в землях, наиболее затронутых COVID-19. Помимо особо сложной эпидемической ситуации в Италии, наибольшая доля отказавшихся от планов родить ребенка в этой стране может объясняться типичным для нее активным участием старшего поколения в воспитании своих внуков (на фоне слабой системы детских дошкольных учреждений). В условиях эпидемии и обязательной изоляции старшего поколения возможность такого участия оказывалась под вопросом на неопределенное время.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Изменились ли ваши планы родить ребенка в 2020 году?» среди респондентов, имевших такие планы в начале года, %

	Италия	Германия	Франция	Испания	Велико-британия
По-прежнему планируют родить ребенка в 2020 г.	25,56	30,70	32,03	21,17	23,04
Решили отложить рождение ребенка	37,93	55,10	50,70	49,57	57,78
Решили отказаться от рождения ребенка	36,51	14,20	17,27	29,26	19,18

Источник: [12].

Интересны и другие особенности распределения ответов на вопрос об изменении репродуктивных планов в условиях эпидемии. Во всех пяти странах доля отказавшихся от намерений родить ребенка была выше среди респондентов до 30 лет. Здесь легко увидеть параллель с экономическим кризисом 2008–2011 гг., когда рождаемость во многих странах Европы сильнее всего падала именно среди женщин этого возраста (см. выше). Однако в данном случае есть сомнения в том, что поколенческая асимметрия связана с экономической «незащищенностью» молодежи. Дело в том, что результаты опроса не обнаружили какой-либо статистической зависимости между оценкой респондентом своих экономических перспектив (риска потерять работу и т.д.) и изменением планов, связанных с деторождением. Также не обнаружилось значимого влияния на эти планы уровня образования респондента, несмотря на то, что высокое образование в целом дает больше шансов успешно пройти через экономический кризис.

Иными словами, опрос, с одной стороны, показал, что на момент его проведения пандемия успела негативно повлиять на репродуктивные планы респондентов. Более того, это влияние было сильнее в более пострадавших от коронавируса странах и регионах. С другой стороны, опрос не дал оснований говорить о том, что решение отказаться от намерений родить ребенка или сохранить эти намерения существенно зависело от оценки респондентом возможных экономических последствий пандемии для своей семьи. Скорее, отказ от планов стать родителями в тот период эпидемии, который был отражен опросом, был связан с общей неопределенностью мировой ситуации из-за нового вируса, слабой прогнозируемостью его влияния на жизнь общества в целом.

Проведенный опрос – пока что единственный известный нам (за пределами России), который позволяет оценить влияние пандемии на рождаемость. Для более полной оценки этого влияния, разумеется, потребуются дальнейшие исследования.

1. Влияние пандемии на рождаемость в России

* * *

Рассмотренные нами результаты исследований влияния экономического кризиса 2008–2011 гг. и эпидемии COVID-19 на рождаемость в зарубежных странах, разумеется, нельзя некритически распространять на текущую ситуацию в России. Более того, некоторые данные уже позволяют говорить о том, что в нашей стране реакция рождаемости на нынешний экономический спад и вспышку коронавирусной инфекции не вполне согласуется с ожиданиями, которые формируют эти исследования. Так, очередной опрос «Человек, семья, общество», проведенный ИНСАП РАНХиГС в марте-мае 2020 г. [13], показал, что наиболее резкий рост (на 20,2 п.п.) заявивших о нежелании иметь (еще одного) ребенка по сравнению с аналогичным опросом 2017 г. был зафиксирован среди однопородных респондентов 35 лет и старше. Здесь видно явное отличие от результатов исследований западных стран, где пандемия и прошлый экономический кризис, напротив, наиболее сильно повлияли на репродуктивное поведение молодежи. Особенности репродуктивных тенденций в России в условиях кризиса и пандемии могут быть связаны, в частности, с более молодым материнством, а также более низкой долей рождений вне зарегистрированных браков по сравнению с западными странами.

Тем не менее представляется, что международный опыт, кратко рассмотренный в настоящей записке, в нескольких аспектах может быть полезен при принятии решений, касающихся демографической политики государства в новых условиях.

Во-первых, вполне очевидно, что и экономический кризис, и сложная эпидемическая обстановка в стране или регионе сегодня способны оказать негативное влияние на рождаемость, причем в обоих случаях речь идет не только о кратковременном спаде деторождений после пика кризиса или эпидемии, но и о пересмотре репродуктивных намерений.

Во-вторых, из экономических факторов в этих особых условиях на рождаемость наиболее существенно влияет безработица. Речь, однако, идет не только о факте занятости потенциальных родителей в кризисный период, но и об оценке ими своих перспектив на рынке труда.

В-третьих, влияние экономического кризиса и пандемии на рождаемость отличается по возрастным группам. Конкретные различия могут быть разными от страны к стране. Но сама возможность того, что население разных возрастов в неодинаковой степени готово пересматривать свои репродуктивные планы во время серьезных внешних шоков, должна учитываться как при прогнозировании рождаемости, так и при планировании мер ее поддержки.

В-четвертых, способность мер поддержки рождаемости повлиять на репродуктивное поведение населения в условиях кризиса подтверждена опытом некоторых стран. Однако обобщающих межстрановых исследований на эту тему пока не проведено. Поэтому говорить о проверенной международным опытом эффективности в такие периоды финансовой помощи семьям с детьми как инструмента поддержки рождаемости следует с осторожностью. Имеет смысл учитывать, что исследования, проведенные в зарубежных странах, показали важность для решения о рождении ребенка не столько текущего экономического состояния семьи, сколько оценки родителями своих перспектив на рынке труда, а также общих перспектив развития ситуации в стране.

Источники

1. Van de Kaa, Dirk J. Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior // *Population and Development Review*. 2001. No. 27(Supp.). P. 290–331.
2. Matysiak, A., Sobotka, T., and Vignoli, D. The Great Recession and fertility in Europe: A subnational analysis // *Vienna Institute of Demography Working Papers*. No. 02/2018.
3. Sobotka, T., Skirbekk, V., and Philipov, D. Economic recession and fertility in the developed world // *Population and Development Review*. 2011. No. 37(2). P. 267–306.
4. Comolli, C. L.. The fertility response to the Great Recession in Europe and the United States: Structural economic conditions and perceived economic uncertainty // *Demographic Research*. 2017. No. 36. P. 1549–1600.
5. Goldstein, J.R., Kreyenfeld, M., Jasilioniene, A., and Örsal, D.D.K. Fertility reactions to the 'Great Recession' in Europe // *Demographic Research*. 2013. No. 29 (4). P. 85–104.
6. Comolli, C. L. and Bernardi, F. The causal effect of the great recession on childlessness of white American women // *IZA Journal of Labor Economics*. 2015. No. 4(21). P. 1–24.
7. Testa, M.R., and Gietel-Basten, S. Certainty of meeting fertility intentions declines in Europe during the «Great Recession» // *Demographic Research*. 2014. No. 31. P. 687–734.
8. Fiori, F., Graham, E., and Rinesi, F. Economic reasons for not wanting a second child: Changes before and after the onset of the economic recession in Italy // *Demographic Research*. 2018. No. 38. P. 843–854.
9. Schneider, D., and Hastings O.P. Nonmarital Fertility in the United States: Evidence From the Great Recession. *Demography*. 2015. No. 52(6). P. 1893–1915.
10. Livi Bacci, M. Demographic Shocks: the View from History, *Popolazione e Storia*. 2011. No. 2. P. 93–114. URL: <https://www.bostonfed.org/economic/conf/conf46/conf46c1.pdf>.
11. Siddharth, C., and Yu, Y.-L. The 1918 influenza pandemic and subsequent birth deficit in Japan // *Demographic Research*. 2015. No. 33. P. 313–326.
12. Luppi, F., Alpino, B., and Rosina, A. The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain and UK. 2020. Preprint. DOI: 10.31235/osf.io/wr9jb.
13. Макаренцева А.О. Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения // *Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*. 2020. №17(119). URL: <https://www.iep.ru/upload/iblock/2f2/3.pdf>.